

УДК 101

В.О. Пигулевский, Л.А. Мирская

Южно-Российский гуманитарный институт,

г. Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

ПЕРЦЕПТИВНОЕ ОЗНАЧАЮЩЕЕ

[Pigulevsky V.O., Mirskaya L.A. The perceptive meaning]

The notion "sensibility" adopted as the basis of speculative esthetics is reinterpreted in terms of body practices of vision, hearing, smell, touch and taste. Perceptual [signifying](#) form is a unity of sensations having a practical sense "how", and the mental image that has semantic meaning "what". Visual signifying is analyzed at the level of pre-[pronounced](#) experience. Its specific character is perceived in functional kinesthetic-tactile that displayed space design. Visual signifying transcends the subjectivity of the body to the outside, in the space of possible actions and movements. Perceptual meaning distinguishing of vision and hearing, smell, touch enables us to construct a practical esthetics.

Key words: practical esthetics, [signifying](#), signified, meaning, sense, sign, denotation, physicality, body practices, kinesthetic movement, visual perception, view, blinking, grasping, touching, haptics, hi-touch, the tactile likeability, distinction, habit, breath, smell, intention, attention, transcending, experience.

Воспринимать – это делать присутствующим что-либо с помощью тела.

М. Мерло-Понти

Поворот философского интереса от интеллектуализма к телесности требует пересмотра картезианского понимания «эстетического». Проблема заключается в том, что рационалистическая философия, как впрочем и неклассическая философия, ставящие субъект в центр внимания, понимают чувственную жизнь абстрактно как «чувственность».

Исходное понимание «эстетическое» заложил Александр Бамгартен, который, опираясь на разделение познания на интеллектуальное и чувственное, образовал слово *aesthetica* от греческого термина αἴσθητά – чувственно воспринимаемое, эстетис, αἴσθησις – ощущение, чувство. В чувственное восприятие Баумгартен включил, таким образом, ощущения, чувственную проницательность, способность воображения, чувственную память, чувственное суждения, способность сравнения. Чувственное познание Баумгартен отождествил с познанием прекрасного и искусства, в результате чего последующая философия

под «эстетическим» стала подразумевать переживания и чувства, возникающие под воздействием искусства. Утвердилась традиция понимать под эстетическим переживанием и чувством прекрасного одно и то же. Красота и искусство предстали как показатели совершенства чувственного восприятия.

Тем не менее, эстетическое переживание в отличие от восприятия искусства и чувства прекрасного имеет особую область, ведь в корне этого слова, обсуждавшемся две тысячи лет до Баумгартена, нет ни прекрасного, ни искусства, ни пристрастия [30, с.331]. В понимании основания эстетического априори принимается или объективное – прекрасное или искусство, или субъективное – чувство, способность суждения (Кант), воображения (Башляр), вкушения (Сурьо). В то время как чувствование (*sensibilité* – страсть, аффективная напряженность) принимается априори. Отсюда вытекает проблема эстетизиса присущего субъекту – трансцендентальный субъект оказывается бестелесен, а эстетическое предстает абстрагированным от субъективности тела.

Для построения эстетики, охватывающей не столько прекрасное и искусство, сколько сферу повседневной жизни человека, всю полноту человеческой чувственной деятельности необходимо дифференцированное понимание восприятия с учетом порогов и границ видения, слуха, осязания, обоняния, вкуса, кинестетики и пластики движения. В антропологическом измерении изначальными являются человеческие сущностные силы – зрение, слух, осязание, обоняние, вкус, страсть, кинестетические движения. Они объединены иррациональными функциями (К.Г. Юнг) – ощущением и интуицией. Очевидно, должно существовать перцептивное означающее, которое «связано» не только и не столько со спецификой видов искусства, но особенностями и регистрами эстетического в конкретных границах практически осваиваемого и проектируемого мира повседневной жизни и культуры. Очевидно, речь идет о рациональных функциях – мышлении и чувстве. На примере визуального восприятия постараемся определить конституирование перцептивного означающего.

Если означаемое есть предметная сфера (значений и оперативной практики), область существования, то означающее на допредикативном уровне формируется субъективно как «встреча» живого восприятия (внимания, пристрастия, желания, интенции) и опыта (переживания, практических действий). В восприятии существует предвыразимый слой живого опыта или смысла, который всегда способен получить выражение или значение (Гуссерль). Благодаря языку (рацио-

нальным функциям) допредикативное означающее восприятия подвергается категоризации и становится означающим (значением и смыслом), которое может быть субъективно интерпретировано. Понятно, что визуальное восприятие, имея свою специфику, формируется в ходе человеческой практической деятельности и потому всегда обуславливается, удостоверяется и расширяется другими чувствами. Так в общем виде формируется чувственное в повседневной жизни человека.

Учитывая то, что сенсорное восприятие включено в деятельность, следует отметить, что актуальность восприятия состоит не в той или иной интенсивности, а в его активности, в телесных движениях, которые его продолжают [3, с. 199]. Это означает, что восприятие обусловлено и сопряжено с опытом практической жизнедеятельности, которая двунаправлена – на освоение мира и развитие способностей субъекта. Восприятие верифицируется и обретает свою полноту в практике, в которой происходит чувственный синтез опыта визуального, аудиального и тактильного значений. Восприятие фундируется практическими значениями как превращенной формой деятельности. Язык переводит предвыразимый опыт из смутной бессознательной формы ощущения и впечатления в осмысленную, категоризированную, ясную форму восприятия или перцепции (лат. *percipio* – ощущаю, воспринимаю, *perceptio* – представление, восприятие). Такое понимание сенсорного восприятия не следует смешивать с личностными особенностями – чувствами, переживаниями, аттитудами человека, сложившимися благодаря прошлому опыту, целям и мотивам его текущей деятельности.

Для того чтобы определить специфику перцептивного означающего необходимо сравнение особенностей восприятия разных сущностных сил. С точки зрения физики оптические и акустические окна есть ограничения диапазона частот и в этом отношении никакой разницы между «видеть» и «слышать» нет. Различие возникает в способах восприятия, обусловленных психофизиологически. По сравнению с аудиальным восприятием, которое характеризуется длительностью, визуальное «схватывание» мира отличает одновременность. Кадрирование потока стимулов обусловлено ритмами мозговой активности порядка 0.1-0.2 секунды и миганием глаза [5, с.75]. Механизм визуального восприятия «имеет природу кинематографическую» [4, с. 294], что является существенным отличием от восприятия аудиального, которое прерывается не физиологически, а лишь физически, в зависимости от источника звука.

Далее, «слышать звук» поддерживается голосом и эта аудиальная коммуникация манифестирует человеку опыт Другого. Голос в метафизическом значении выступает как *phone*, который «не в звуковой субстанции или в физическом голосе, не в теле речи в мире, ...но в речи в ее трансцендентальной плоти, в дыхании, интенциональном оживлении, которое превращает тело мира в плоть», создает одухотворенную телесность [11, с. 27]. Напротив, «видеть мир», или визуальная коммуникация, открывает протяженность пространства с его возможностями и препятствиями для движения, действия, преобразования. Поэтому визуальное всегда поддерживается определенным тестированием среды, в которой осуществляется телесное действие – осязанием объектов ландшафта и инструментов деятельности. Опыт кинестетических движений, осязание материальности мира и хаптика обеспечивают ориентацию в среде и возможности деятельности. Восприятие связано с телесными факторами, интеллект ориентирован не на содержание представлений о реальности, о вещах, а на реализацию практических действий [3, с.42]. Визуальные иллюзии, которые с легкостью возникают, развенчиваются тактильными ощущениями. Отсюда и специфический опыт визуального восприятия – опыт целесообразности. Чувственное восприятие не является чистой восприимчивостью типа претерпевания воздействия, а напротив, оно обусловлено опытом осязания, ходьбы, хватательных движений, удовлетворения потребностей и достижения целей. По сравнению со слушанием для видения остается примат движения, визуальное восприятие не просто ознакомление со средой, не просто восприятие материальных вещей в пространстве, но «результат многослойного генезиса в многообразии кинестетических движений» [15, с. 203, 215]. Подоплекой визуального восприятия является опыт перехода от целенаправленных к свободным кинестетическим движениям, такой опыт открывает и поддерживает горизонт будущего – пространство возможных движений.

Получается, что восприятие мира, функционально рационально-иррациональное целое, имеет разные измерения сопряженности субъективности тела и объективности мира – одно социальное, открываемое отношением слух–голос-язык, другое – природное¹, обеспечиваемое телесной практикой взгляд-осязание-действие. Поэтому перцептивное означающее имеет в качестве означаемого в первом случае речь и язык, во втором –

¹ Подразумевается природная и культурная среда, преобразованная и осмысленная человеком, «вторая природа».

означенный объект действия, то есть коммуникативная и инструментальная функции составляют основной контент означающих.² Хотя в целом телесный организм оказывается «организованной общностью представлений, воспоминаний и аффектов, в которых виде набросков существуют определенные способы переживания и поведения» [7, с. 387].

Различение предметов в прерывистом процессе визуального восприятия происходит автоматически как организация множества стимулов в сенсорные модели. Масса стимулов под действием динамических сил в перцептивном поле интегрируется в простые фигуры, паттерны. Законы действия перцептивных сил зрения, как известно, описаны гештальттеорией. Прежде всего, в перцептивном поле различается фигура и фон, а механизм конфигураций – близость, закон прегнанности, непрерывность, общая история, смыкание, сходство, равномерная связанность [27с.25-52; 32, с.285-287; 16]. В случае визуального восприятия движущегося объекта, схватывается, прежде всего, масса и вектор движения [32]. Элементы, интегрированные в структуры, позволяют «видеть как». Это «видеть как» образует допредикативный слой опыта – образные конфигурации пространства (формы), наслаиваемые миганием глаза. Следует заметить, что в перцептивном поле *gestalt* восприятия объективно конституируется как изоморфная (миру) организация стимулов в сенсорные модели.

Визуальное и аудиальное означающие детерминированы как одновременность и длительность, как относительное разграничение пространства и времени. Слышать звук – это различение во времени. Видеть мир – различение в пространстве. Освещенность очерчивает для нас границы протяженности, возможности освоения пространства, вещи в котором объективно выделены пятнами, тональными градациями света и тени. Рассматривание во времени формирует представления об объемности объектов, видимое как плоскостная картинка дополняется представлением об объекте в результате прошлого опыта, ибо «непрерывно действующее прошлое без конца набухает абсолютно новым настоящим» [4, с.205]. Словом, картинки одновременности вписаны в опыт жизнедеятельности.

² Такое различение измерений позволяет использовать обе теории знака и значения 1) в сфере коммуникации знак имеет в качестве значения ментальный образ (Ф. де Соссюр), структура знака – это непосредственно воспринимаемое (означаемое) и подразумеваемое (означающее); 2) в сфере оперативной деятельности знак имеет в качестве значения предмет (Г.Фреге), структура знака - концепт (сведения о предмете и его связях с другими объектами), который имеет денотат (предметное выражение, указываемое в материальной действительности) и означающее (Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. - М., 1977, вып.8).

Оживление восприятия дает интенция как конкретное направленное переживание. «Человек характеризуется интенциональностью, т.е. он всегда «переживает» объекты, а не просто «встречается с ними глазами» [31, с.141]. Если чувственные данные оформлены, то модус актуальности они получают благодаря интенциональности, т.е. возникает «взгляд-на», который благодаря телу окрашивается шлейфом переживаний – воспоминаний, фантазий, практических чувств. Естественное восприятие вещи сопряжено с природным «телесным самоприсутствием индивидуального объекта» и постоянного нахождения нашего тела. А потому восприятие является в форме здесь-(теперь)-восприятия, вместе с тем неотделимого от потока сознания; восприятие обладает относительной стабильностью (например, мы, не меняя положения, смотрим на дерево в саду – за это время восприятие дерева существенно не меняется); и, наконец, восприятие нюансируется, профилируется (скажем, цвет коры дерева или листвы является через его нюансы) [22, с.232]. Интенциональное оживление образа восприятия предполагает, что мы замечаем обозначенность объектов в пространстве.¹

Далее, визуальное восприятие оказывается обусловлено опытом практических действий, движений в пространстве и осязания плоти мира. Чувственный опыт замыкается на соматику, игру кинестетических движений по достижению целей и преодолению сопротивления. Мир видимый и мир моторных проектов суть целостные части одного и того же бытия [18, с.220]. Это допредикативный слой живого опыта, наращиваемый постоянным действием в мире, «действие как спонтанное неотрефлексированное сознание конституирует особый слой существования в мире, и что для того, чтобы действовать, нет необходимости сознавать себя в качестве действующего... неотрефлексированное действие не является бессознательным действием, оно не-тетически сознает себя, а ее способ тетического сознания самого себя состоит в трансцендировании себя и схватывании себя в мире в виде некоего качества вещей» [29, с.122].

Деятельность и целенаправленные кинестетические движения наращивают *habitus* – практическое чувство, навыки, умения и предпочтения, позволяющие совершать нужные действия без предварительного обдумывания и рас-

¹ Более того, интенция выделяет и качество, и конкретную функциональность вещи. Кусок угля на склоне горы, в руке художника, в печи – это одна и та же вещь, и вместе с тем она выполняет три разные функции. Несмотря на сподручность и инструментальность всякая вещь вписана в систему связей и отношений, а потому многозначна. См.: Хайдеггер М. Вещь // Время и событие. М.,1993; Нанси Ж.-Л. Сердце вещей // Топос. 2004, № 1 (8); Неретина С., Огурцов А. Реабилитация вещи. СПб.,2010.

чета. Габитус предстает как дорефлексивное *cogito*, ансамбль субъективных практических схем, в которые человек интегрируется в процессе социализации. Практический мир, который конституируется в отношении с габитусом, есть мир уже достигнутых целей, способов применения и освоения объектов. Внешняя необходимость – формы разделения труда, отношения между полами, мир предметов, способы потребления, отношения в семье и пр. формируют структуру габитуса, которая, в свою очередь, лежит в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта [6, с. 105].

Восприятие и действие в мире неотделимо от постижения его материальности. Видение формы и взгляд наполнены опытом осязания мира в его материальности, фактуре, то есть в единстве материала, конструктивных и сигнификативных свойств и, одновременно, постижением формы в ее функциональности, пониманием вещи в ее диалектике отношений, влияний, деформаций – фигуру и процесс дефигурации [12, с.199-202].

Глубинные, бессознательные схемы, архетипы – миллионы раз повторившиеся в истории не только человечества, но и самой жизни события и ситуации, обуславливают универсальные символические образы в психике. Юнг писал: «Архетипы коллективного бессознательного вызывают к жизни комплексы представлений, которые... не изобретаются, а входят во внутреннее восприятие... в качестве готовых образований» [35, с.187]. Архетипические образы формируют телесный опыт тотальной взаимосвязи как прообраз пространства-времени, переживание цикличности как прообраз повторения и ритма. Это находит отражение в двух базовых архетипах – единения с бытием и возрождения. Автономия архетипических образов, их объективно-субъективное начало формирует прообраз смысла жизни, а коллективная бессознательная природа обеспечивают единство практических чувств [20, 2011, с.11].

Пространство зиждется на нашей фактичности. «Восприятие пространства – это не какой-то особый класс «состояний сознания» или актов, его модальности всегда выражают жизнь субъекта в ее целостности, энергию, с которой он стремится к будущему посредством своего тела и своего мира» [19, с. 264]. Формальными определителями трехмерного пространства можно считать геометрические характеристики размещения объектов, как – верх и низ, право и лево, приближенность и удаленность, вертикаль и горизонталь, перевернутость при “нормальном”, здоровом

функционирования человеческого организма (М. Мерло-Понти). Кинестетические движения в пространстве открывают возможности изменения точки зрения, осязания видимого ландшафта. Осязание является чистым тестированием реальности, но это тестирование точечное: ноги – фактуры поверхности, тело – температурные режимы и состояния воздушной или водной среды, руки – касания и манипуляции с объектами. Осязание концентрировано на кончиках пальцев, оно осуществляется через касание и *haptics* [26, с.31-36]. Осязание позволяет ощутить боль или тактильное удовольствие (*tactile likeability*), почувствовать фактуру поверхностей, пальцы могут обладать высокой чувствительностью (*hi-touch*). Бытие человека в стихиях огня, воды, воздуха и земли, вызывающее комфорт, удовольствие или отвращение способно родить тропы осязания, пластические метафоры онирического воображения (Г.Башляр) [25, с.111-123]. Поэтому визуально-тактильное поле – это опыт достоверности и целесообразности экстраполированный вонне субъективности, это набрасывание практического смысла на мир существования благодаря телесным действиям.

Конечно, есть разница между означающими зрения и осязания. Для зрения существует глубина и «спина» (позади), в которой обитают вещи, так как есть точка, из которой я вижу [17, с.297], для осязания глубина отсутствует, так как тело и плоть мира сосуществуют. Для осязания можно говорить о присутствии внешнего мира «на кончиках пальцев», зрение – это способность быть вне самого себя [18, с.238, 248]. В поведении же зрительная и тактильная, чувственная и двигательная функции неразделимы [19, с.164].

Следует упомянуть, что необходимой составляющей телесных практик является также различение запахов – вдох, позволяющий выделить среди массы веяний значимый компонент –пищу, сексуальность, угрожающее, чуждое и пр. Сенсорное восприятие молекул запаха – это восприятие клетками мозга, которые находятся во взаимоотношениях с лимбической системой, отвечающей за эмоции, мотивации и память. Поэтому *differance* (Ж.Деррида) означающих эмоционально окрашивается. Помимо объективного значения (восприятие одинаковых для людей молекул окружающей среды) ольфакторное означающее получает личностный ассоциативный смысл. Запах связывается с событием индивидуальной жизни и становится «якорем» воспоминания как «феномен Пруста» [36, р,111-116]. В отличие от зрения, по запаху не-

льзя безучастно «скользнуть взглядом», он непосредственно инкрустируется в субъективность тела, передавая «свойство» предмета. Запах позволяет уловить акциденции событий текущего настоящего, недоступных для зрения и слуха, и, порой, след событий прошедших. Он определяется денотатом (запах предмета) и не имеет номинативной функции языка (для неопределенного запаха не хватает слов) [13, с.300]. В следах контактности, пространственной близости, и эмоциональной ассоциативности, по-видимому, кроется специфика ольфакторного означающего.

Конструирование сложных молекул ароматов позволяет усиливать эмоциональный смысл, «ароматы наделяются бесчисленными отзвуками; они связывают воспоминания с желаниями, безмерное прошлое со столь же безмерным – и неясным будущим» [2, с.185]. Всякий аромат обретает добавочные смыслы: «Когда аромат цветка становится знаком, он превосходит одновременно и законы материи и категории разума» [10, с.120-121]. В этом отношении надо сказать, что восприятие и означивание запаха есть определенная семиотическая проблема, которая, как замечает Р. Барт, заключается в следующем: «Я беру букет роз и решаю, что он будет значить мои чувства. Может быть, в этом случае мы имеем лишь означаемое, розы и мои любовные чувства? Нет, это не так; в действительности имеются только розы, «отягощенные чувством». И розы, и чувства существовали по отдельности до того, как объединиться и образовать третий объект, являющийся знаком?» [1].

Сравнивая означающие обоняния и зрения, можно отметить, что ольфакторное означающее не требует изначально интенции, а само ее вызывает, запах – «привлекает внимание». Также как зрение, обоняние позволяет субъекту быть вне себя, причем, невзирая на препятствия и освещенность ландшафта (кроме направления ветра). Для интендирования запаха важно не целеполагание, а потребности (в пище, самосохранении, продолжении рода, статусе индивида). Наконец, запах субъективен и условен в культуре, в то время как визуальный образ, хоть и отражает означенную материальную реальность, – объективен и безусловен.

Поскольку визуальное означающее замкнуто на опыт осязания, движения, труда и жизнеобеспечения, постольку важно дополнить его означающим вкуса. Органы обоняния и вкуса «являются уже начальной стадией практического отношения, ибо обонять можно лишь то, что мы уже начинаем поглощать, а

ощущать вкус можно, лишь разрушая видимое» [9, с. 147]. В противоположность дистантности зрения вкусовое восприятие является контактным также как осязание и обоняние. В отличие от обоняния его средой являются растворы. В отличие от осязания тестируется не вся реальность, а только пища.

Необходимая телесная практика освоения пространства – поиск, приготовление и вкушение пищи. Обоняние позволяет до определенной степени тестировать пищу (испорченное – свежее, съедобное – несъедобное). Сырое и вареное – это пищевые коды, которые поляризуют животный и человеческий мир (К. Леви-Стросс). Означающие вкуса становятся необходимым дополнением телесных практик человека. Различение вкусовых качеств пищи обеспечивается локализацией ощущений в полости рта, среди которых вычленяется физиологический вкус (сладкого, горького, соленого, кислого) и органолептический (консистенции, температура, острота). Проблема означающего (в отличие от простого ощущения пищи) возникает как предпочтение региональной кухни (жизнь у моря, у реки, в лесу, горах или пустыне) и традиций готовки пищи. В процессе совершенствования кухни «коды вкуса и сенсорные коды устанавливают репертуар в высшей степени подвижных коннотаций...» [34, с. 159]. Экологически заданный ореол означающих обогащается тогда, когда начинает развиваться гастрономия, которая дифференцирует способы готовки и способы комбинирования продуктов. Складывается дискурс – рецепт и меню – две составляющие гастрономии. Помимо дискурса вкус формируется габитусом и кодами приличия. Регистры и нюансы гастрономического вкуса дополняются наслаждением зрения (сервировка и обслуживание), эмоционально-телесными паттернами и дисциплинарными практиками (манеры, приличия), хаптикой (пользование столовыми приборами) и ароматом блюд. Означающее вкуса выступает как *flavor* – телесный семиозис вкуса, аромата, зрения трапезы и манер. Во время трапезы «все качества, которые, собственно говоря, не являются вкусом, собираются, растворяются, углубляются во вкус, представляют материю вкуса... вкус в силу этого факта имеет сложное строение и дифференцированную материю» [28, с. 616]. Вкус – это освоение плоти мира телесно и символически. Означающее вкуса «плотское» (имманентное, поглощение) означающее зрения – «идеальное» (трансцендентное, вынесение во вне в виде качеств вещей).

Условием сенсорного восприятия являются экологические особенности одной из стихий – воздуха, который человек также вдыхает и благодаря которой слышит. Эта прозрачная среда – необходимое условие жизнедеятельности, в которой функционируют три из пяти человеческих чувств, а ее проницаемость позволяет двигаться, работать, преобразовывать мир. Для визуального восприятия ее качество – свет, для обоняния – запах, для слуха – звук. До этих материалистических сентенций свет для философии и религии был предметом для построения метафизики света, звуки – гармонии сфер, а запахи – теории эфира. Научное понимание корпускулярно-волновой природы света снимает громадный смысловой пласт традиционной культуры. Для зрения существенен свет. Как заметил Гегель, «мы не можем слышать звучания как такового, а всегда слышим определенное звучание, высокий или низкий звук, не можем ощущать кислого как такового, а всегда ощущаем определенную кислоту. Единственно лишь свет существует как чистое проявление, как абстрактная нераздробленная всеобщность» [8, с. 129]. Проблема смыслообразования переносится в сферу субъективности тела и телесных практик.

Все сказанное означает, что визуальное восприятие – это не просто отпечаток, копирование, фотографирование и *gestalt* стимулов на сетчатке глаза от освещенных объектов, а фигуры практики, открывающие возможности действия, манипуляции, перемещения и преодоления в мире. Перцептивное означающее в его допредикативном опыте – практическое, это переживание в ходе деятельности. Поэтому «видеть как» обретает значение через «что я могу». Иными словами, визуальное кинестетически-тактильное восприятие, понятое как оформление пространства как горизонта возможных действий и движений, имеет практический смысл.

Осмысленность действия образуется до категоризации – это пространственные и телесно-предметные суждения в иерархической структуре значений мира, чувственно-оценочные суждения, телесное основание которых – чувство единения (с бытием). Речь идет о телесном опыте тотальной взаимосвязи как прообразе пространства-времени, о чувстве цикличности как прообразе повторения и ритма. Наконец, можно сказать и о сподручности и опыте схватывания предметов как прообразе понимания, и о чувстве равновесия как прообразе очевидности [21, с.156, 169-170]. Перцептивное означающее формируется как значение функциональное – исторически определен-

ное назначение предмета, и операционное – достижение результатов в ходе целенаправленных действий [23, с. 15]. Для пространства характерно быть уже конституированным [19, с. 327]. «Жизненный мир», интериоризируемый в ходе повседневной деятельности, предполагает освоение предметно-семантических пространств как операционных моделей субъективности. Семантические компоненты повседневности выступают не как морфологические, а как функциональные единицы. Образные, невербальные семантические структуры погружены в чувственную ткань, которая не несет в себе завершенной предметности [23, с. 72]. В этом отношении доверять глазам можно лишь до определенной степени – возможны и оптические иллюзии и галлюцинации. Предвыразимый слой значений визуального опыта в ареоле личностного смысла – как использовать ту или иную вещь, как достичь того или иного результата. Распознавание образа изначально является функциональным. Воспринимаемый ландшафт оперативен.

Если проводить сравнение визуального означающего и аудиального, то воспроизводимый звук – коммуникативен. Изначально восприятие звука и артикуляция человеческой речи – сигнальная система указателей в коллективе (обществе). Поэтому перцептивное означающее слуха и речи как фонема складывается как звукоподражание (животным, птицам), как развитие акцентов и интонаций человеческой речи и, кинестетически, как ритмически организованные движения человеческого тела (охотничьи пляски, физический труд). Воспроизведение звуков в определенном порядке, основными образующими элементами которого являются точные, поддающиеся транспозиции соотношения тонов становится музыкой [14, с. 318]. Очевидно, что слух и голос имеют своим связующим основанием речь и язык. Отсюда и течение во времени, длительность, которая внешне означивается и семантизируется, интонируется и прерывается, и, в случае музыки, становится непрерывным звукорядом с ритмо-метрическим интервалами. Звуковые значения всегда подхвачены указательной системой языка и, наоборот, значение переходит в знак и трансформирует его в выражение только средствами речи, аудиального дискурса [11, с. 27]. «Вся речь, ввиду того что она вовлечена в коммуникацию, и манифестирует живые опыты, действует как указание» [11, с. 55]. Фонема является идеальным знаком, ибо находится в абсолютной близости с телесностью – я себя слышу и в то же самое время, когда

я говорю. Голос есть обнаружение самоприсутствия и условие коммуникации. *Интонированная длительность с указательной направленностью* и есть предвыразимое перцептивное означающее слуха.

Освоение «жизненного мира» не просто «знание как», но «знание что», которое несет в себе то или иное орудие, та или иная функциональная вещь. «Жизненный мир» как плоть мира – это семантическое пространство «дышащее», «пульсирующее», развертываемое в зависимости от реализации задачи, стоящей перед субъектом в отношении глубины проникновения в объект, соответственно чему актуализируются значения того или иного уровня категоризации [23, с. 35].

Видеть – значит уметь использовать вещь и преодолевать пространство. Однако манипуляция вещами и инструментами – уже категоризация. Мы не работаем неизвестно чем, а работаем определенным орудием. Мы не живем в поле образа, а движемся сообразно цели и потребности. Поэтому процесс порождения значения от предвыразимого практического смысла к эмоционально-образным формам отражения, опосредованным значениями «жизненного мира», к уровням предметной (категориальной) расчлененности мира, этот процесс выступает как последовательная развертка-расщепление небольшого числа семантически расплывчатых коннотативных смыслов в пучки семантически более узких, конкретных, отражающих денотативный уровень значений [23, с.72-73].

Итак, внутренний мир видящего и слышащего – разные означающие. Коммуникация зрения осуществляется через предметную деятельность, коммуникация слуха – через речь и язык. Визуальный образ имеет смысл пространственный, денотативный и функциональный, аудиальный образ имеет смысл временной, ментальный, коммуникативный. Такое понимание не только обосновывает деление искусств на пространственные и временные, но указывает на специфические сферы практической эстетики как эстетики телесных и дискурсивных практик. Практическая эстетика может быть визуально-пластической – сфера изобразительных искусств, промышленного и коммуникативного дизайна; кинестетическая эстетика – хореографии и спорта; эстетика слуха и речи – музыки и театра; эстетика вкуса и аромата – гастрономии и парфюмерии.

Если говорить о субъективности, то перцептивные означающие зрения, слуха, обоняния и осязания объединяются единством имманентного сознания времени. Различные отдельные переживания в совокупности конституируются как «один временной поток, как звенья одного феноменологиче-

ского времени». В отличие от тетиического сознания с его предметностью, синтетическое сознание – «многообразные формы образования переживаний через интенциональные сплетения» (Гуссерль) [1]. Этот рационалистический принцип и становится продолжением спекулятивной эстетики, которая допускает априоризм чувственности.

Таким образом, перенос внимания на трансцендентальную функцию субъективности, который неизбежно влечет понимание чувственности в форме предельной категоризации, делает понимание субъекта бестелесным. Внимание к субъективности тела и телесным практикам, напротив, позволяет увидеть особенности сенсорного восприятия и трансцендентальных означающих на допредикативном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989
2. *Баиляр Г.* Грезы о воздухе. М., 1999, с.185
3. *Бергсон А.* Материя и память // *Бергсон А.* Собрание сочинений. Т.1. М., 1992.
4. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 1998.
5. *Бескова И.А.* Природа и образы телесности. М., 2011.
6. *Бурдые П.* Практический смысл. М., 2001.
7. *Вальденфельс В.* Ключевая роль тела в феноменологии Мориса Мерло-Понти // *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. Минск, 2006.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т.2. Философия природы. М., 1975, с.129
9. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. В 4-х т. Т.1. М., 1968.
10. *Делез Ж.* Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999.
11. *Деррида Ж.* Голос и феномен. М., 1999.
12. *Диди-Юберман Ж.* То, что мы видим, то что смотрит на нас. СПб., 2001.
13. *Климентьев М.* Специи для ума // Теория моды. Вып. 26. 2012-2013.
14. *Коломиец Г.Г.* Ценность музыки. М., 2009.

15. *Ландгребе Л.* Что такое эстетический опыт? // Современная западно-европейская и американская эстетика. М., 2002.
16. *Лидвелл У., Холден К., Батлер Дж.* Универсальные принципы дизайна. СПб., 2012.
17. *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. Минск, 2006.
18. *Мерло-Понти М.* Око и дух // Французская философия и эстетика XX века. М., 1995.
19. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999.
20. *Мирская Л.А.* Современное неомифологическое сознание. Lap Lambert, 2011.
21. *Молчанов В.И.* Телесное *apriori*: суждение и равновесие // Многообразие априори. М., 2013.
22. *Мотрошилова Н.В.* Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003.
23. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
24. *Пигулевский В.О.* Дизайн в культуре модерна и постмодерна // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. <http://www.hses-online.ru>
25. *Пигулевский В.О.* Практическая эстетика. Lap Lambert, 2012.
26. *Пигулевский В.О., Пигулевский О.В.* *НАPTICS*: Поле исследований // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. №10.
27. *Робин Ж.-М.* Фигуры гештальта // Московский психотерапевтический журнал. 1994. №3.
28. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М., 2000.
29. *Сартр Ж.-П.* Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. М., 2011.
30. *Татаркевич В.* История шести понятий. М., 2002.
31. *Феллесдал Д.* Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986, вып. XVIII.
32. *Шаповал А.В.* Полевая структура изображения // Социокультурные проблемы дизайна.- Ростов н/Д, 2008.
33. *Шиффман Х.* Ощущение и восприятие. СПб., 2003.

34. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1997.
35. Юнг К.Г. Ответ Иову. М., 1997.
36. Chu S., Downes J.J. Odor-evoked Autobiographical Memories: Psychological Investigation of Proustian Phenomena // Chem. Senses. 2000. N 25.

REFERENCES

1. *Bart R.* Selected Works. Semiotics. Poetics. M., 1989
2. *Bachelard G.* Dreams of air. Moscow, 1999, p.185
3. *Bergson H.* Matter and Memory // Bergson A. Collected Works. T.1. M., 1992.
4. *Bergson H.* Creative Evolution. M., 1998.
5. *Beskova I.A.* Nature images and corporeality. M. 2011.
6. *Bourdieu P.* practical sense. M., 2001.
7. *Waldenfels B.* Key role of the body in the phenomenology of Maurice Merleau-Ponty // Merleau-Ponty M. The visible and the invisible. Minsk, 2006.
8. *Hegel G.W.F.* Encyclopedia of Philosophy. V.2. Philosophy of nature. M., 1975, p.129
9. *Hegel G.W.F.* Aesthetics. In 4 m. Vol.1. M., 1968.
10. *Deleuze Marcel* Proust and Signs. SPb., 1999.
11. *Derrida J.* Speech and Phenomena. M., 1999.
12. *Didi-Yuberman J.* What we see something that looks at us. SPb., 2001.
13. *Kliment'ev M.* Spices for the mind // Fashion Theory. Vol. 26. 2012-2013.
14. *Kolomiets G.G.* The value of music. Moscow, 2009.
15. *Landgrebe L.* What is aesthetic experience? // Contemporary Western European and American aesthetics. M., 2002.
16. *Lidvell W., Holden, K., J. Butler.* Universal design principles. SPb., 2012.
17. *Merleau-Ponty M.* The visible and the invisible. Minsk, 2006.
18. *Merleau-Ponty M.* Eye and spirit // French philosophy and aesthetics of the twentieth century. M., 1995.
19. *Merleau-Ponty M.* Phenomenology of perception. SPb., 1999.
20. *Mirskaya L.A.* Modern neomifologicheskoe consciousness. Lap Lambert, 2011.

21. *Molchanov V.I.* Bodily apriori: judgment and balance // Variety apriori.- M., 2013.
22. *Motroshilova N.V.* Ideas I Edmund Husserl as an introduction to phenomenology. M., 2003.
23. *Petrenko V.F.* Psychosemantics consciousness. M., 1988.
24. *Pigulevskaya V.O.* Designed in modern and postmodern culture // Humanities and social sciences-nye. 2012. № 3. <http://www.hses-online.ru>
25. *Pigulevskaya V.O.* Practical estetika.- Lap Lambert, 2012.
26. *Pigulevskaya V.O., Pigulevskaya O.V.* HAPTICS: Field Studies // Humanities and co-socio-economic sciences. 2006. №10.
27. *Robin J.-M.* Figures // Moscow Gestalt psychotherapy magazine. 1994. №3.
28. *Jean-Paul Sartre* Being and Nothingness. M., 2000.
29. *Jean-Paul Sartre* Transcendence of the Ego. Sketch of a phenomenological description. M. 2011.
30. *V.* History Tatarkevich six concepts. M., 2002.
31. *Fellesdal D.* understanding and rational // New in foreign linguistics. M., 1986, vol. XVIII.
32. *Shapoval A.V.* Field structure of the image // Sociocultural problems dizayna.- Rostov n / D 2008.
33. *Schiffman H.* Sensation and perception. SPb., 2003.
34. *Eco U.* lack of structure. Introduction to semiology. SPb., 1997.
35. *Jung K.G.* Answer to Job. M., 1997.
36. *Chu S., Downes J.J.* Odor-evoked Autobiographical Memories: Psychological Investigation of Proustian Phenomena // Chem. Senses. 2000. N 25.

10 сентября 2014 г.
